

*Вилейкис А.**

**ГОРОДСКАЯ СРЕДА СПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ И ЭФФЕКТ
«ЛАМПОВОСТИ»: ПОВСЕДНЕВНАЯ ПРИВЯЗАННОСТЬ
VS. ТОПОФОБИЯ^{©1}**

Аннотация. Эссе рассматривает спальные районы российской городской периферии как пространство одновременного укоренения и тревоги. Вводится аффективное понятие «ламповости» – теплой, интимной, повседневной привязанности к «непримечательным» панельным кварталам, возникающей через телесные практики, субъективные ритмы и «обживание» среды. Параллельно анализируется «темная» сторона города – топофобия, всплывающая при сбоях повседневности и изменении режимов восприятия (ночь, пустота, поломка инфраструктуры). Теоретическая рамка строится на трактовке города как гиперобъекта (Вилейкис, Ханова), феноменологии «жуткого» и памяти места, а также на идее «тёмной урбанистики». Показано, что ламповость и топофобия составляют диалектическую пару, по-разному проявляющуюся в одном и том же районе; первая опира-

**Вилейкис Александр – философ, социолог, профессор Алмаатинского университета менеджмента (AlmaU), директор книжной премии им. Н.А. Рубакина; Алматы, Казахстан; alexandro.vileykis@gmail.com*

Vileykis Alexander – Philosopher, Sociologist, Professor at the Almaty Management University (AlmaU), the Director of the N.A. Rubakin Book Prize. Almaty, Kazakhstan; alexandro.vileykis@gmail.com

© Вилейкис А., 2026

¹Статья подготовлена в рамках реализации грантового исследования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Влияние урбанизации на радикализацию исламского фундаментализма на примере Алматы: угрозы и меры противодействия» (ИРН AP23489903)

ется на совместное обитание и аффективную архитектуру, вторая указывает на разрывы в настройке среды и сценариев пользования. Делается вывод о необходимости проектных и управленческих подходов, учитывающих эмоциональную сложность периферии: не романтизировать уют, не демонизировать тьму, а «тонко настраивать» свет, обзоры, маршруты и формы соседского участия.

Ключевые слова: спальные районы; городская периферия; ламповость; топофобия; топофилия; гиперобъект; повседневность; аффективная архитектура; феноменология места; ритм-анализ; темная урбанистика; городская антропология

Поступила: 01.10.2025

Принята к печати: 03.12.2025

Для цитирования: Вилейкис А. Городская среда спальных районов и эффект «ламповости»: повседневная привязанность vs. топофобия // Вестник культурологии. – 2026. – № 1(116). – С. 80–89. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.06

Vileykis A.

The Urban Environment of Residential Microdistricts and the “Cozy Intimacy” Effect: Everyday Attachment vs. Topophobia

Abstract. The essay explores Russia’s dormitory districts (urban periphery) as spaces where homely attachment and spatial anxiety co-exist. It introduces *lampovost’* – a term for the warm, intimate affect of everyday attachment to ostensibly “unremarkable” panel-block neighborhoods, produced through embodied routines, subjective rhythms, and practices of domestication. In parallel, it analyzes the city’s “dark” side – topophobia – that surfaces when everyday order breaks down or perceptual regimes shift (night, emptiness, infrastructure failure). The theoretical frame draws on the city-as-hyperobject (Vileykis, Khanova), the phenomenology of the uncanny and place-memory, and “dark urbanism.” The essay argues that *lampovost’* and topophobia form a dialectical pair manifested within the same locale: the former relies on cohabitation and affective architecture; the latter signals ruptures in environmental tuning and use-scenarios. It concludes with implications for design and governance on the periphery: avoid romanticizing coziness or demonizing darkness; instead, fine-tune light, sightlines, everyday routes, and neighborly participation to match the area’s emotional complexity.

Keywords: dormitory districts; urban periphery; lampovost' (homely warmth); topophobia; topophilia; hyperobject; everydayness; affective architecture; phenomenology of place; rhythmanalysis; dark urbanism; urban anthropology

Received: 01.10.2025

Accepted: 03.12.2025

For quoting: Vileykis A. The Urban Environment of Residential Microdistricts and the “Cozy Intimacy” Effect: Everyday Attachment vs. Topophobia // Herald of Culturology. – 2026. – No.1(116). – P. 80–89. – DOI: 10.31249/hoc/2026.01.06

*Мне привычно блуждать по окраинам собственного города – по спальным районам, где высокие панельные дома образуют серый горизонт. Вечерами, шагая вдоль рядов одинаковых окон, я ощущаю себя частью чего-то неизмеримо большего. **Город – гиперобъект** существует одновременно повсюду и нигде, оставаясь неуловимым и **внешним** по отношению к людям [Вилейкис, Ханова, 2021]. Человек знает крохотные фрагменты гиганта – двор, подъезд, маршрут автобуса – а всё остальное словно скрыто в тени. Однако именно эта тень, как ни странно, рождает и чувство уюта, и безотчетный страх. Как сочетаются **повседневная ламповость** – тёплая укоренённость моего бытия – и внезапные всплески **топофобии**, когда знакомое место вдруг кажется чужим и пугающим? Как в российской городской периферии переплетаются гигантская нечеловеческая структура города и интимная структура **обживания** – освоения пространства жильцами?*

Введение

Спальные районы российских городов – типичные периферийные жилые массивы, застроенные преимущественно многоквартирными домами массовых серий – традиционно воспринимаются как монотонные «спальные» зоны без ярко выраженной идентичности и символического значения. Их жители днём выезжают в центр или другие деловые части города, а вечером возвращаются только для сна – отсюда и название. В обыденном сознании такие районы нередко противопоставляются историческому центру как лишённые «**капитала места**» [Борисов, Митин, Шаров, 2025, с. 38–49]: здесь нет знаменитых памятников, престижных учреждений или «откры-

точных» видов, формирующих привлекательный образ города. Тем не менее, спальные районы служат пространством повседневной жизни миллионов горожан и обладают особой атмосферой, которую в последнее время описывают понятием *«ламповость»*.

Эффект ламповости – сленговое обозначение уютной, теплой, почти ностальгической атмосферы – парадоксальным образом проявляется даже в безликих панельных кварталах, становясь основой эмоциональной привязанности жителей к своему месту проживания. Одновременно периферийная городская среда таит в себе феномен **топофобии** – тревожного восприятия места, *«темной»* изнанки привычного пространства.

Периферия против центра: специфика спальных районов

С точки зрения урбанистики, периферийные жилые районы часто характеризуются недостатком символического капитала и **локальной мифологии** [там же]. Центр города концентрирует исторические памятники, значимые учреждения и «маркерные» места, складывающиеся в узнаваемый образ; напротив, периферия представляется анонимным пространством без «лица». Исследователи отмечают, что культурные нарративы и территориальные бренды обычно формируются вокруг центральных кварталов с богатой историей, тогда как менее «ресурсные» окраины остаются вне поля внимания. Это порождает стереотип о неизбежной непривлекательности периферии для горожан и туристов.

Однако подобное противопоставление во многом упрощено. Периферия – это не *«вакуум»* городских смыслов, но место повседневного обитания, где протекает жизнь огромного числа людей. Здесь со временем складываются собственные **локальные идентичности** и сообщества [Серто, 2008, с. 24–38]. Даже если на городских окраинах меньше общепризнанных «достопримечательностей», у жителей формируются свои *значимые места*: двор, детская площадка, окрестный сквер, любимый маршрут до дома. Как отмечают социологи К. Глазков и Е. Зверева [Глазков и др., 2014, с. 165–189], рассказывая о городе через призму «любимых мест», сами горожане нередко размыывают жесткую границу между центром и периферией, прокладывая личные смысловые маршруты по окраинным пространствам. По сути, для жителей понятие *«родной район»* не тождественно историческому центру – им становится именно та городская среда, где проходит будничная жизнь. Периферийные районы, хоть и

бедны на официальные символы, обладают важнейшим ресурсом – **повседневностью**, которая и делает их значимыми для местных жителей. Повседневность выражается в привычности, обыденности районов, теми локальными символами и связями, которые жители с ними ассоциируют. Стоит отметить, что повседневность – это характерная черта именно жилых спальных районов – именно в этом месте человек ощущает себя как дома, здесь проводится черта между «своим» и «чужим».

Повседневная привязанность и эффект «ламповости»

Несмотря на внешнюю непримечательность, можно предположить, что многие жители испытывают сильную **топофилию**, то есть любовь к своему месту проживания на периферии. Повседневная привязанность выражается в эмоциональных связях с привычным окружением: «родной двор», «свой подъезд», знакомый маршрут до магазина – все эти элементы складываются в чувство дома на уровне района. Подобная *доместикация* пространства – признак повседневной привязанности: окружающая среда воспринимается как продолжение личного пространства, источник безопасности и комфорта. Термин «*ламповость*», пришедший из молодёжного интернет-сленга, метко описывает атмосферу такого уюта и душевности. Ламповость ассоциируется с мягким, теплым светом старой лампы накаливания или лампового усилителя, создающим ощущение спокойствия и ностальгии. В применении к городской периферии это означает неожиданно комфортное, «*по-домашнему*» тёплое восприятие дворовых пространств, подъездов, советских панельных домов – всего того, что внешнему наблюдателю может казаться серым и безрадостным. **Повседневная культура** спального района – соседские общения на лавочке, семейные прогулки во дворе, обустройство своего балкона или палисадника – формирует уникальную атмосферу места. Можно сказать, что ламповость – это субъективная «*аура*» [Беньямин, 1996] повседневности, возникающая на стыке памяти, привычек и рутинных практик.

Любопытно, что элементы эстетики спальных районов сегодня вызывают у жителей ретроманию. В социальных сетях популярны сообщества, посвящённые «эстетике панелек» и советских микрорайонов: люди делятся фотографиями типовых дворов 1980-х годов, старых детских площадок, вечерних окон многоэтажек. То, что раньше воспринималось как урбанистический *недостаток*, оборачи-

вается культурным кодом целого поколения, выросшего на окраинах. **Ностальгия по детству** [Романова, Федорова, 2021 с. 6–18] в спальном районе становится эстетически привлекательной. Этот явный сдвиг в восприятии соответствует идее, что привлекательность места во многом *субъективна*: она связана с удовлетворением повседневных потребностей и ожиданий индивида. Для жителей панельной окраины её дворы и аллеи могут быть не менее дорогими сердцу, чем исторический бульвар в центре – ведь именно здесь удовлетворяются базовые жизненные потребности, происходит личная история.

Таким образом, периферийная среда порождает **повседневную ламповую привязанность**: глубокое эмоциональное укоренение в «непримечательном» пространстве. Оно преодолевает внешнюю непривлекательность района, создавая альтернативный взгляд: **изнутри** спальный район видится уютным миром со своими ценностями и приятными мелочами [Калацкая, Латыпова, 2018, с. 1007–1014].

Однако у этой *топофилии* окраин есть своя обратная сторона, проявляющаяся в иных обстоятельствах – феномен *топофобии*, о котором речь пойдет дальше.

Топофобия и «темная» сторона города

Топофобия, в противоположность топофилии, обозначает тревожное, неприязненное отношение к месту, вплоть до страха перед определённой локацией. Казалось бы, если человек привязан к своему району, откуда взяться боязни? Однако городское пространство, особенно в периферийных зонах, обладает **двойственной природой**. То самое привычное окружение, которое днём кажется уютным и безопасным, в иных условиях способно породить чувство беспокойства и отчуждения.

Топофобия позволяет испытать чувство бездомности, когда в устойчивой вроде бы обстановке начинает проявляться что-то недомашнее (unheimliche). Понятие unheimliche («жуткое», досл. «неродное») введено З. Фрейдом именно для описания ситуации, когда знакомое пространство внезапно оборачивается своей пугающей изнанкой – нечто чуждое, скрытое за фасадом обыденности [Ханова, 2019, с. 71–86].

Например, поздним вечером безлюдный двор, днём наполненный детским смехом, может показаться тревожным: тусклый фонарь отбрасывает резкие тени на типовые фасады, ветер стучит незакреп-

лётной створкой – знакомый двор словно превращается в декорацию фильма ужасов. Психогеографически монотонная планировка окраинных кварталов (повторяющиеся дома, пустые междомовые пространства) тоже порождает эффект дезориентации и дискомфорта у *аутсайдера*, впервые попавшего в такой район. В научной литературе описан феномен «*безликих пространств*», вызывающих у человека стресс из-за отсутствия ориентиров и индивидуальности места [Крюкова и др., 2024, с 8–15].

Отсюда рождается понятие аффективной архитектуры периферии. Под официальной, материализованной архитектурой из бетона и стекла скрыта ещё одна – невидимая архитектура аффектов, эмоций, которой население наделяет своё окружение. Панельный дом может быть уродлив с точки зрения академического канона, но для меня он, красив историями сотен семей, которые в нём живут. Каждая трещина в асфальте помнит чьи-то игры, каждое дерево посажено в чью-то честь. Такая «очеловеченная» среда начинает воздействовать на нас эмоционально [Стрельникова, 2012, с. 231–238].

В периферийных районах эта *изнанка* проявлена особо: здесь меньше контроля и регламентации, чем в центре, поэтому «*жуткое*» просачивается в реальность заметнее. Гастон Башляр в «Поэтике пространства» указывал, что даже дом – оплот уюта – имеет **темные места** (чердак и подвал), через которые в повседневность может проникнуть чуждое [Башляр, 2014]. Аналогично и спальный микрорайон имеет свои подвал и чердак в переносном смысле: запущенные пустыри между домов, темные подъезды, неосвещенные закоулки. Эти пространства функционируют как своего рода *контейнеры* городских страхов и мифов. Не случайно массовая культура рисует окраины городов как сцены действия криминальных или мистических историй – вспомним фильмы и романы, где в типовом районе происходят необъяснимые или страшные события.

Полина Ханова вводит понятие «**темная урбанистика**» [Ханова, 2019, с. 71–86], призывая изучать город не только в его празднично-визуальном облике, но и через призму звуков, ощущений, атмосферы страха и странности [Фишер, 2020]. Она, в частности, обращается к художественным образам *городской изнанки* у Нила Геймана, Макса Фрая, Чайны Мьевиля, а также к феноменологическим описаниям чувства топофобии у современного философа Дилана Тригга [Trigg, p. 2016]. Эти исследования показывают, что **тревога места** – не аномалия, а неотъемлемая часть опыта города. Городской житель привыкает не замечать «лишние», беспокоящие детали – скажем, забро-

шенный участок за домом или агрессивные граффити на стене – чтобы сохранить чувство комфортной повседневности. Но когда происходит *«поломка нормальной городской повседневности»*, вытесненные аспекты вырываются наружу, вызывая всплеск тревог, страхов и даже ужасов [Латур, 2019, с. 103–116]. Например, вспышка криминальной активности или техногенная авария в спальном районе внезапно обнажает его уязвимость, заставляя жителей взглянуть на свой привычный мир под новым, зловещим углом. Таким образом, топофобия в городе – это своего рода **тень топофилии**, проявляющаяся в моменты кризиса повседневности.

Пока все идет хорошо, человек любит свой район; стоит случиться сбою – та же среда внушает страх. В отличие от Башляра, идеализировавшего дом как источник благостной интимности, современная философия города отмечает амбивалентность: подлинное проживание места теперь осознаётся и через травматичный опыт, *через «ужас» как признак реальности* [Law, 2011]. Иначе говоря, **темное переживание** тоже укореняет человека в месте, хотя и негативным образом. Топофобия заставляет заново почувствовать пространство, остро переживая его характеристики – пустоту двора, холод бетонных стен, изоляцию от остального города. В этом плане она парадоксально дополняет ламповую привязанность: страх лишь подчёркивает, насколько важна была прежняя защищённость дома.

Диалектика «ламповости» и ужаса: единство места

Анализ показывает, что городская периферия – это **сложное, неоднозначное пространство**, сочетающее в себе черты уютного убежища и скрытого источника тревоги. Повседневная привязанность формирует позитивную эмоциональную географию спального района: для его обитателей он представляется теплым, освоенным и родным миром. Сосуществование ламповости и топофобии не свидетельствует о «хорошести» или «плохости» района – скорее, оно отражает фундаментальную особенность современной городской жизни. **Городской человек одновременно domesticiрует пространство и осознает его сверхличный характер**, выходящий за рамки индивидуального контроля.

Городская среда спальных районов, будучи «задним двором» большой урбанизации, не сводится ни к идиллии, ни к дистопии – она включает оба полюса. Это пространство, где под фонарным светом панельного двора рождается ощущение домашнего тепла, но в темноте того же двора может скрываться источник экзистенциального беспокойства.

Список литературы

- Башиляр Г. Поэтика пространства. – Москва : Ad Marginem, 2014. – 323 с.
- Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. – Москва : Медиум, 1996. – 240 с.
- Борисов И.А., Митин И.И., Шаров Г.Д. Привлекательность городской периферии как пространственное представление: теоретический синтез // Городские исследования и практики. 2025. – Т. 10. – № 1. – С. 38–49.
- Вилейкис А., Ханова П. Город-гиперобъект. Введение // Городские исследования и практики. 2021. – Т. 6. – № 4. – С. 7–16.
- Глазков К.П. и др. Любимый район: к вопросу о привязанности к городу // Социология власти. 2014. – № 2. – С. 165–189.
- Калацкая Е.А., Латыпова М.С. Выявление методов тактического урбанизма... // Студенческий научный вестник. 2018. – № 3–7. – С. 1007–1014.
- Крюкова А. и др. Искусство и философия: преодолевая токсичную позитивность // Городские исследования и практики. 2024. – Т. 9. – № 3. – С. 8–15.
- Латур Б. Габриель Тард и конец социального // Социология власти; Логос. 2019. – Т. 29. – № 5 (132). – С. 103–116.
- Романова А.П., Федорова М.М. «Советская ностальгия» несоветского поколения // Российский журнал социальных наук. 2021. – Т. 22. – № 1. – С. 6–18.
- Серто М.Д. По городу пешком // Социологическое обозрение. 2008. – Т. 7. – № 2. – С. 24–38.
- Стрельникова А.В. «Места памяти» в городском пространстве // Вестник ... «Филология. Социология. Искусствоведение». 2012. – № 2 (82). – С. 231–238.
- Фишер М. Призраки моей жизни. Тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем. – Москва : Новое литературное обозрение, 2020. – 256 с.
- Ханова П. Темные города: темная экология и Urban Studies // Логос. 2019. – Т. 29. – № 5 (132). – С. 71–86.
- Law J. Assembling the Baroque // Working Paper Series. – 2011. – No. 109. – P. 1–18.
- Trigg D. Topophobia: A Phenomenology of Anxiety. – London : Bloomsbury Publishing, 2016. – 257 p.

References

- Bachelard, G. *Poetika prostranstva* [*The Poetics of Space*]. Moscow : Ad Marginem Publ., (2014). 323 p. (In Russ.)
- Benjamin, W. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoy vosproizvodimosti* [*The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction*]. Moscow : Medium, Publ. 240 p. (In Russ.)
- Borisov, I.A., Mitin, I.I., Sharov, G.D. Privlekatel'nost' gorodskoy periferii kak prostranstvennoe predstavlenie: teoreticheskiy sintez [The Attractiveness of the Urban Periphery as a Spatial Representation: A Theoretical Synthesis]. In *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [*Urban Studies and Practices*]. V.10, no. 1, 2025, pp. 38–49. (In Russ.)
- de Certeau, M. Po gorodu peshkom [Walking in the City]. In *Sotsiologicheskoe obozrenie* [*Russian Sociological Review*]. V. 7, no. 2, 2008, pp. 24–38. (In Russ.)

Fisher, M. *Prizraki moey zhizni: Teksty o depressii, khontologii i utrachenom budushchem* [Ghosts of My Life]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020. 256 p. (In Russ.)

Glazkov, K.P., et al. Lyubimyy rayon: k voprosu o privyazannosti k gorodu [The “Favorite Neighborhood”: On Urban Attachment]. In *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power], no. 2, 2014, pp. 165–189. (In Russ.)

Kalatskaya, E.A., Latypova, M.S. Vyyavlenie metodov takticheskogo urbanizma... [Identifying Methods of Tactical Urbanism...]. In *Studencheskiy nauchnyy vestnik* [Student Scientific Bulletin], no. 3–7, 2018, pp. 1007–1014. (In Russ.)

Khanova, P. Tyomnye goroda: tyomnaya ekologiya i Urban Studies [Dark Cities: Dark Ecology and Urban Studies]. In *Logos*. V. 29, no. 5/132, 2019, pp. 71–86. (In Russ.)

Kryukova, A., et al. Iskusstvo i filosofiya: preodolevaya toksichnuyu pozitivnost' [Art and Philosophy: Overcoming Toxic Positivity]. In *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices]. V. 9, no. 3, 2024, pp. 8–15. (In Russ.)

Latour, B. Gabriel Tarde i konets sotsial'nogo [Gabriel Tarde and the End of the Social]. In *Sotsiologiya vlasti*; *Logos*. V. 29, no. 5/132, 2019, pp. 103–116. (In Russ.)

Law, J. Assembling the Baroque. In *Working Paper Series*, no. 109, 2011, pp. 1–18.

Romanova, A.P., Fedorova, M.M. “Sovetskaya nostal'giya” nesovetskogo pokoleniya [“Soviet Nostalgia” of a Non-Soviet Generation]. In *Rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk* [Russian Journal of Social Sciences]. V. 22, no. 1, 2021, pp. 6–18. (In Russ.)

Strelnikova, A.V. “Mesta pamyati” v gorodskom prostranstve [“Places of Memory” in Urban Space]. In *Vestnik... “Filologiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie”*, no. 2(82), 2012, pp. 231–238. (In Russ.)

Trigg, D. *Topophobia: A Phenomenology of Anxiety*. London, Bloomsbury Publishing, 2016. 257 p.

Vileykis, A., Khanova, P. Gorod-giperob'yekt. Vvedenie [The City as a Hyperobject: An Introduction]. In *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices]. V. 6, no. 4, 2021, pp. 7–16. (In Russ.)